

ТАНЬШИНА  
Алла Владимировна —  
кандидат педагогических наук

К 120-летию со дня рождения  
академика И.В. ОБРЕИМОВА

## ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР УФТИ Историко-документальный очерк

*Статья посвящена 120-летию со дня рождения выдающегося физика академика Ивана Васильевича Обреимова (1894–1981), директора-организатора Украинского физико-технического института (ныне — Национальный научный центр «Харьковский физико-технический институт»).*

Этого нигде в СССР не было.  
И.В. Обреимов,  
директор-организатор УФТИ

### Феномен УФТИ (незабываемое в лицах)

В 1929 году приказом по ВСНХ УССР был назначен директором вновь организуемого Украинского физико-технического института в г. Харькове.

*Из автобиографии И.В. Обреимова*

30 октября 1928 г. Совет народных комиссаров УССР принял постановление об организации Украинского физико-технического института при Высшем совете народного хозяйства УССР. В этой связи примечательна выдержка из постановления заседания коллегии Научно-технического управления ВСНХ УССР от 16 мая 1928 г.

*Слушали:*

*Об организации ФТИ на Украине. Доклад акад. А.Ф. Иоффе.*

*Постановили:*

1. Признать организацию Физико-технического института на Украине необходимой.
2. Имея в виду, что Физико-технический институт должен вовлечь в свою работу научно-технические силы Украины и установить тесную связь с заводскими лабораториями, научно-исследовательскими учреждениями ВСНХ и Наркомпроса, считать необходимым организовать институт в Харькове...



Иван Васильевич Обреимов

5. *Просить академика Абрама Федоровича Иоффе взять на себя обязанности председателя научно-технического совета института.*
6. *Для проведения всей подготовительной работы по организации Физико-технического института утвердить организационное бюро во главе с проф. Обреимовым, в составе профессоров Штейнберга, Желиховского, Рожанского, Перевозного, а также представителей от НТУ Украины и Укрглавнауки.*
7. *Выразить благодарность академику А.Ф. Иоффе<sup>1</sup> за проявленную им инициативу в деле развития научно-исследовательской работы на Украине, в частности, отметить с удовлетворением выдвижение Ленинградским физико-техническим институтом группы высококвалифицированных научных работников для работы в Украинском физико-техническом институте [1, с. 112].*

И уже к концу 30-х годов прошлого столетия УФТИ стал одним из ведущих институтов СССР. Одна из центральных газет СССР — «Известия» — от 11 ноября 1932 г. явно не зря рапортовала: «Харьковский институт действительно строился темпами пятилетки и за девять месяцев был выстроен. Директор института профессор Обреимов разъезжал по Европе, закупая и заказывая самое лучшее, новейшее оборудование для лабораторий» (из очерка Ф. Кандыбы «Снайперы атомного ядра»).

Достоверные и значимые факты о периоде становления института можно почерпнуть из *первых уст* — мемуарных заметок директора-организатора УФТИ Ивана Васильевича Обреимова:

*Группу физиков, выехавших в Харьков, провозжали с помпой: на вокзале играл оркестр, слышалась дробь барабанов, плескались зна-*

*мена. В эту группу входили: К.Д. Синельников, А.К. Вальтер, Н.А. Бриллиантов, А.Ф. Прихотько, В.С. Горский, В. Гей, Г.Д. Латышев, В. Волейко, П.И. Стрелков, А.И. Лейпунский (мой заместитель), Л.В. Розенкевич (теоретик), Г. Горовиц (теоретик). В становлении института, который получил название «Украинский физико-технический институт» (УФТИ), приняли участие В.А. Фок и Л.Д. Ландау, хотя они и не собирались жить в Харькове, и П.С. Эренфест, который серьезно думал о переезде в Харьков. Он приезжал туда дважды...*

*А.Ф. Иоффе был назначен председателем Ученого совета УФТИ. Хотя роль его была и не велика, но значение огромно. Дело в том, что об общих принципах нам договариваться было нечего. Они были едины. Но в моменты затруднений Абрам Федорович со свойственным ему тактом всемерно поддерживал нас в правительственных органах Украины или в академических кругах.*

*Некоторые товарищи в правительстве УССР — да и в Москве — подозревали, не избавляется ли А.Ф. Иоффе путем создания новых институтов от нежелательных ему людей или не «бегут» ли на Украину те, кто недоволен Абрамом Федоровичем. Приезды А.Ф. Иоффе в Харьков, его дружеские письма и бескорыстная поддержка во всех вопросах, которые я поднимал, рассеивали всякие подозрения.*

*После 1933 г., когда я был назначен председателем Ученого совета УФТИ, Абрам Федорович приезжал иногда на несколько дней к нам в гости. Ему, по-видимому, нравилась научная жизнь института, были приятны встречи с друзьями. Докладов он не делал, но подолгу беседовал с разными людьми.*

*Не могу не отметить и прекрасное отношение к нашему институту как со стороны правительственных органов Украины, лично В.Я. Чубаря и председателя ВСНХ УССР К.В. Сухомлина, так и со стороны харьковской интеллигенции — ученых всех факультетов университета, Электромеханического института, Математического института во главе с С.Н. Бернштейном и Н.И. Ахиезером, а также руководящих работников заводов (ХЭМЗ, ХПЗ),*

<sup>1</sup> Иоффе Абрам Федорович (1880—1960) — физик-экспериментатор, действительный член РАН (1920). Родился 29 октября 1880 г. в г. Ромны Полтавской области. В 1927—1929 гг. и 1942—1945 гг. — вице-президент АН СССР. С 1918 по 1950 г. — директор Ленинградского физико-технического института, в 1952—1955 гг. — директор Лаборатории полупроводников АН СССР.

*которые очень помогали УФТИ, охотно принимали на работу наших студентов, защитивших диплом, а также некоторых сотрудников УФТИ. Инженеры ХЭМЗ и Турбинного завода принимали участие в научных собраниях УФТИ и выступали у нас с докладами [2, с. 52, 53].*

Несомненно, именно он — директор-организатор УФТИ Иван Васильевич Обреимов — сумел заложить те стратегические направления института, которые и позволили физико-техническому первенцу Советской Украины за феноменально короткий срок выйти на передовые научные позиции.

И отнюдь не напрасно этот феномен УФТИ был широко освещен на XVII съезде ВКП(б):

*Исследовательская работа по физике в сколько-нибудь широком масштабе велась в СССР до последнего времени только в Ленинграде и Москве. Рост промышленности Союза поставил задачу создания крупных научных учреждений, работающих в области физики, и в других важнейших промышленных центрах...*

*По инициативе Украинского правительства в план первой пятилетки ВСНХ СССР была внесена организация научно-исследовательского Физико-технического института в Харькове (УФТИ).*

*Организация нового института была поручена Ленинградскому физико-техническому институту, который выделил для него большую группу (около 20 чел.) научных работников. Эта группа вместе с частью харьковских физиков и составила основное ядро института...*

*Тесное взаимодействие теоретических и экспериментальных работ составляет одну из самых существенных черт научного лица института...*

*За истекшие три года своей работы Украинский физико-технический институт стал одним из крупнейших научных центров Союза в области физики и пользуется большим авторитетом за границей [3, с. 110, 114].*

Истоки же стремительного старта УФТИ, со слов самого И.В. Обреимова, были в том, «что мы в УФТИ правильно оценили тенденцию

развития науки, что дальнейшее развитие науки пойдет по двум направлениям: физика конденсированной фазы (которую называют сейчас физикой твердого тела, или физикой кристаллов, причем оба названия меня несколько коробят) и физика атомного ядра» [4, с. 13].

Следует подчеркнуть и тот факт, что первый директор УФТИ, невзирая на авторитеты, твердо отстаивал свою точку зрения на стратегические пути развития института:

*После моего окончательного переезда в Харьков, 2 апреля 1930 г., мои контакты с А.Ф. Иоффе значительно сократились. Сократились они частично и из-за того, что Абрам Федорович не во всем одобрял направление работ Харьковского института. С одной стороны, в Харькове имела место «гипертрофия теоретической физики»... С другой стороны, в Харькове успешно проводились работы по физике атомного ядра [2, с. 53].*

Показательно еще одно обстоятельство: во времена его директорства творческий демократизм определял status quo УФТИ. В частности, по воспоминаниям академика АН УССР Александра Ильича Ахиезера:

*Каждую неделю в УФТИ происходило заседание совета и проводился реферативный семинар... На заседаниях совета докладывались все работы, выполнявшиеся в лабораториях УФТИ, а на реферативном собрании — новые журнальные статьи по различным разделам физики. Прекрасный овальный стол, за которым сидели участники заседаний, создавал неповторимую обстановку легкости и даже интимности, чему содействовал еще подаваемый чай с пирожными. Такая обстановка не препятствовала, а, пожалуй, даже способствовала накалу дискуссий и бескомпромиссности критики [5, с. 337].*

К тому же Иван Васильевич Обреимов имел привычку задавать докладчикам вопросы, которые, на первый взгляд, казались довольно простыми. Но впоследствии становилось ясно, что именно они вскрывают суть данной темы. «Кто не спрашивает, тот никогда не помнеет» — любимый афоризм первого директора УФТИ.

Кстати, свой «простой» вопрос он предвзял, как правило, такими словами: «Простите мне мою невежественность...», а также просил называть фамилии тех ученых, на результаты которых делается ссылка, — «чтобы было ясно, из какой лаборатории вышла работа — можно ей доверять или нет». А при анализе научных результатов замечал: «Есть три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика, как говорил Бисмарк».

Иван Васильевич Обреимов ввел в институте и весьма доверительный стиль общения. Рассказывают, что на двери своего служебного кабинета он повесил дощечку, где над приборами в ряд гвоздиками были надписи: «я — у Тоси» (Антонина Федоровна Прихотько, научный сотрудник его отдела. — А.Т.), «я — у Гарбера», «не входите», «я — у себя». Указателем служил металлический жетон, который вешался на соответствующий гвоздик.

Особой гордостью директора была институтская библиотека, где благодаря его хлопотам удалось собрать авторитетнейшую физико-математическую периодику (Иван Васильевич предоставлял возможность работать в библиотеке в любое время суток).

Также весомы, по-видимому, и следующие факты, поскольку весьма скрупулезно изложены в мемуарных воспоминаниях академика АН УССР Б.Г. Лазарева:

*В институте все были увлечены спортом — альпинизмом, туризмом, теннисом, лыжами, наконец, многие занимались в школе верховой езды. Из всех этих увлечений Иван Васильевич не устоял перед последним (думаю, по примеру его ученицы Антонины Федоровны Прихотько — пятигорской казачки). Мы (Лейпунские, Хоткевич, Лазаревы) занимались в одной группе с Иваном Васильевичем... Иван Васильевич, объясняя свои физические особенности, говорил мне, что в детстве он много занимался игрой на рояле, «все время, пока другие бегали, играли, я занимался упражнениями на рояле». И надо сказать, что играл он превосходно, исполняя самые сложные произведения Бетховена, Баха [6, с. 298].*

В 1933 г. Иван Васильевич Обреимов неожиданно для всех принимает решение уйти с директорского поста: «По окончании организационного периода в 1933 г. перешел в том же институте на должность председателя НТС и заведующего лабораторией физики кристаллов» [7, с. 200]. И донныне неизвестно, почему потребовалось отойти от дел руководства институтом именно в период стремительного взлета УФТИ.

### **«З/к, в котором можно было угадать интеллигента»**

В 1938 г. был арестован органами НКВД и освобожден 24 мая 1941 г. по ст. 4, п. 5 УПК РСФСР (отсутствие состава преступления).

*Из автобиографии И.В. Обреимова*

Первому директору УФТИ пришлось познать не только счастье ученого и организатора науки, но и... горечь необоснованного ареста.

В тюрьме же он не оставлял занятий наукой и боролся за восстановление истины, посылая письма видным ученым СССР:

*В период следствия в бутырской тюрьме в результате хлопот А.Ф. Иоффе перед Сталиным ему было разрешено работать. Он начал писать книгу, обобщающую и развивающую его предыдущие работы по приложению френелевой дифракции к физическим и техническим измерениям.*

*В тамбуре карцера, между дверьми, оборудовали подобие письменного стола, за которым И.В. Обреимов и работал. Супруга Ивана Васильевича Александра Ивановна Прейсфрейнд передавала ему необходимые материалы и книги, а также папиросную бумагу для самокруток и чеснок, которыми И.В. Обреимов делился с сокамерниками.*

*Писал он не пером и чернилами, а карандашом через копирку — сразу в двух экземплярах. Следствие длилось более полугода. И.В. Обреимов вины за собой не признавал и никаких протоколов не подписывал. Дело на И.В. Обреимова у следователя И.Г. Попкова никак не шивалось. Его и к концу следствия не было. Книга к тому*

времени в основном была написана. Следователь получил от Ивана Васильевича первый экземпляр и отправил его на рецензию в УФТИ (рецензии оттуда так и не последовало).

*Тем не менее вопрос о дальнейшей судьбе И.В. Обреимова был предрешен: лагерь в Котласе без права переписки [8, с. 15].*

И другой бы смирился с этим ударом судьбы, а Иван Васильевич Обреимов, несмотря на то, что душу нестерпимо тяготило сознание несправедливой изоляции, все же не сломился духовно.

В тюрьме первый директор УФТИ проявил исключительную стойкость духа и благородство:

*Поместили его вместе с уголовниками, с которыми И.В. Обреимову удалось построить не только безопасные отношения, но отношения взаимопомощи — они передавали на волю письма Ивана Васильевича.*

*Обреимов рассказывал, что авторитет он заслужил за талант рассказчика: он читал наизусть Некрасова и Пушкина, пересказывал Тургенева и Диккенса, множество детективных историй (и с тех пор терпеть не мог детективы) — память его была неисчерпаема.*

*Другой заслугой И.В. Обреимова перед уголовниками оказалось спасение их жизней при погрузке баржи с лесом, когда покотившиеся бревна неизбежно должны были завалить и покалечить людей: быстро и точно подставив плечо, Иван Васильевич изменил скат в безопасном направлении. В свою очередь, соседи-уголовники показали секреты землекопной работы, которая была основной в лагере...*

*Авторитет И.В. Обреимова среди уголовников помог ему переправить на волю второй экземпляр книги<sup>2</sup>, которую он дописывал в лагере [8, с. 15–17].*

<sup>2</sup> Рукопись книги «О приложениях френелевой дифракции для физических и технических измерений» была передана непосредственно в руки А.Ф. Иоффе человеком, фамилию которого история не сохранила. А.Ф. Иоффе совместно с П.Л. Капицей написали рецензию и передали И.В. Сталину. В конце 1945 г. книга была издана в Издательстве АН СССР. В 1946 г. И.В. Обреимов получил Сталинскую премию I степени.

Накануне Великой Отечественной войны член-корреспондент АН СССР И.В. Обреимов наконец-то обрел долгожданную свободу.

Невероятно, но помог ему... начальник лагеря в Котласе. Процитируем уникальный архивный документ — письмо начальника лагеря, где несправедливо отбывал срок Иван Васильевич:

*Летом 1940 года через Котлас проходили на Север эшелоны з/к... Всего прошло 11 тысяч человек. Среди них была только одна женщина. По особому заданию их всех надо было переправить на Север (Печора)...*

*Между прочим, было указание о тщательном порядке и соблюдении санитарного состояния. Для наведения чистоты была выделена группа заключенных с № подразделения. В группе уборщиков запечатлелся з/к, в котором можно было угадать интеллигента. Поручив секретарю выяснить фамилию этого з/к — запущенного и оборванного человека, я вскоре забыл за массой дел. Затем все же вызвал его для разговора. Он был очень напуган, но я его успокоил, и мы свободно разговорились. Он сказал, что по специальности он садовник. Такой человек был нам очень нужен.*

*Затем через цензуру я установил, что ему посылают письма крупные ученые-физики... Оказалось, что это не садовник, а видный ученый-физик, чл.-корр. АН и т.д.*

*Побывав на подразделении, я еще раз увидел Обреимова, когда он производил уборку барака. Вообще его, как нежелательный элемент, должны были отправить этапом на Север. Просмотрев списки, я приказал Обреимова вычеркнуть, а начальника подразделения за обман снял.*

*В то же время я послал шифр Берия, в котором сообщал, что мы имеем дело с крупнейшим ученым, и просил указания о порядке дальнейшего содержания его в лагере. Впредь до получения указания я предложил Обреимову продолжать заниматься наукой. От т.н. «общих» работ освободили. Вскоре получили распоряжение отправить спецконвоем в Москву в распоряжение МВД СССР.*

*В Москве во внутренней тюрьме на Лубянке Обреимову дали возможность закончить труд, за который ему присвоили звание лауреата и премию в 200 т. р., а затем освободили.*

*Затем я потерял его из виду. Не он один на моем пути.*

*Впоследствии я был зам. н-ка главка в другом министерстве.*

*Обреимов после освобождения уже жил в Москве с семьей и разыскал меня по телефону. Я был очень рад за него. Встреча состоялась в гостинице «Москва» в кругу его семьи... [9, с. 725, 726].*

Фамилию начальника лагеря, к сожалению, идентифицировать невозможно, поскольку подпись в конце письма неразборчива (этот документ хранился в личном сейфе И.В. Обреимова до его смерти).

Далее судьбу первого директора УФТИ можно проследить по краткой автобиографии, составленной им 24 июля 1943 г. для канцелярии Академии наук СССР:

*По освобождении, в сентябре 1941 г., эвакуировался из Харькова в г. Уфу, где работал до ноября 1942 г. в Институте физической химии АН УССР им. Л.В. Писаржевского (руководимом академиком А.И. Бродским). В ноябре 1942 г. перешел на работу в г. Йошкар-Ола, в Государственный оптический институт... В 1933 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР [7, с. 201].*

## Зигзаги судьбы

Я потому стал академиком, что никогда не боялся показаться дураком.

*И.В. Обреимов,  
действительный член АН СССР*

По окончании Великой Отечественной войны судьба предоставила Ивану Васильевичу Обреимову возможность во второй раз стать во главе УФТИ. Некоторые нюансы этого предложения представляется возможным осветить по конфиденциальному письму К.Д. Синельникова<sup>3</sup>, директора послевоенного УФТИ.

<sup>3</sup> Синельников Кирилл Дмитриевич (1901–1966) — физик-экспериментатор, академик АН УССР (1948),

Данный архивный документ стоит процитировать более подробно, поскольку отнюдь не случайно этот артефакт более полувека хранился в семейном архиве академика АН УССР Б.Г. Лазарева<sup>4</sup>.

9 февраля 1944 г.

*Дорогой Борис Георгиевич!*

*Произошли большие и мало приятные для меня изменения. Так как я хотел бы, чтобы между Вами и мной с самого начала не было политики «тайн Мадридского двора», то я пишу Вам совершенно откровенное, но конфиденциальное письмо...*

*Я считал, что наилучший выход — это подержать идею о назначении Обреимова директором, идею, о которой говорили мне еще в сентябре Богомолец<sup>5</sup> и Палладин<sup>6</sup>. Мне каза-*

лауреат Государственной премии СССР (1948), заслуженный деятель науки УССР (1951). В 1924–1930 гг. работал в Ленинградском физико-техническом институте, с 1930 г. — в Украинском (Харьковском) физико-техническом институте (с 1944 по 1965 г. — директор). Кстати, И.В. Курчатов — сокурсник К.Д. Синельникова по Таврическому университету, коллега по Ленинградскому физико-техническому институту. Из автобиографии И.В. Курчатова: «В состав моей семьи входит жена, Марина Дмитриевна Синельникова, дочь земского врача, которая занимается домашним хозяйством и общественной деятельностью в Ленинградском физико-техническом институте» [7, с. 313].

<sup>4</sup> Лазарев Борис Георгиевич (1906–2001) — физик-экспериментатор, академик АН УССР (1951), заслуженный деятель науки УССР (1966), лауреат Государственной премии СССР (1951), лауреат Государственной премии УССР (1982). С 1930 по 1932 г. работал в Ленинградском физико-техническом институте, в 1932–1937 гг. — в Уральском физико-техническом институте, с 1937 г. — в Украинском (Харьковском) физико-техническом институте.

<sup>5</sup> Богомолец Александр Александрович (1881–1946) — патологофизиолог, академик АН УССР (1929), академик АН СССР (1932), академик АН БССР (1939), академик АМН (1944), президент АН УССР (1930–1946), лауреат Государственной премии СССР (1941), Герой Социалистического Труда (1944).

<sup>6</sup> Палладин Александр Владимирович (1885–1972) — биохимик, академик АН УССР (1929), академик АН СССР (1942), академик АМН (1944), президент АН УССР (1946–1962), Герой Социалистического Труда (1955), лауреат Ленинской премии (1929). Организатор и директор (с 1925 г.) Украинского биохимического института (с 1931 г. — Институт биохимии АН УССР).

лось, что Иван Васильевич сможет сколотить дружный и сильный коллектив; его научный авторитет и то, что, в конце концов, он был создателем УФТИ...

Я форсировал встречу Обреимова с Богомольцем, но результат получился неожиданный — оба остались недовольны друг другом. Единственно, что удалось Богомольцу добиться от него, что он соглашается работать в УФТИ при выполнении некоторых условий. Каковы эти условия — ниже.

Богомолец затем собрал нас (Лейпунский, Вальтер, Курдюмов, Слуцкий, Палладин, Чернышев), сообщил об отказе Обреимова и сказал, что он считает, что директором надо назначать меня... (т.к. Лейпунский зафрахтован Киевом, а Курдюмов Москвой). В общем, я был поставлен перед дилеммой — или соглашаться или «наплевать» на УФТИ и ориентироваться на наш институт № 160 в Москве. Я выбрал первое, так как был и остался патриотом УФТИ...

Теперь несколько слов (совершенно конфиденциально) о требованиях Обреимова. В институте будет 4 отдела: а) ядро и электроника; б) электромагнитные колебания; в) твердое тело и криогенная лаборатория; г) теоретический отдел; т.е. говоря прямо — криогенная лаборатория при Вашем руководстве (здесь и далее так подчеркнуто в документе. — А.Т.) включается в большой отдел твердого тела, куда входят: оптические свойства, механические свойства (Гарбер), низкие температуры (Вы) и рентгеновская лаборатория (?). Условие вызывает опасения, — согласитесь ли Вы работать научным руководителем криогенной лаборатории при наличии Верховного командования Обреимова? Я совершенно не знаю, каковы Ваши взаимоотношения с ним. Если они дружеские, то это не опасно, если нет, то соглашаться с этим планом нельзя.

Я не могу допустить, чтобы с самого начала работы по восстановлению были бы недовольство и неясности наших основных работников. Поэтому, обдумав ситуацию, немедленно телеграфируйте (Москва, Можайское шоссе 11/3, кв. 200, мне) или «согласен слиянием», или «ка-

тегорически возражаю». Откровенно говоря, наличие 4-х отделов с отдельными лабораториями (у меня лаборатория технической электроники, у Слуцкого — возможна отдельная лаборатория Брауде) очень упрощает структуру, делает институт более целеустремленным, но эта реорганизация, как я говорил, может быть полезна только при наличии хороших взаимоотношений... [10, с. 21, 22].

Безусловно, предложение Академии наук УССР возглавить послевоенный УФТИ было приятно, но...

Не импонировало Ивану Васильевичу и предложение от Абрама Федоровича Иоффе:

После войны А.Ф. Иоффе пригласил меня перейти работать в его институт, но я уже дал согласие А.Н. Несмеянову<sup>7</sup> перейти к нему, так как, по моему мнению, мое место было среди химиков... Моим решением Абрам Федорович был недоволен [2, с. 59, 60].

В 1944—1954 гг. И.В. Обреимов работает в Институте органической химии АН СССР, с 1954 по 1965 г. — в Институте элементоорганических соединений АН СССР, а с 1965 г. — в Институте общей и неорганической химии АН СССР. Действительным членом АН СССР он был избран в 1958 г.

В минуты же досуга его душа лежала к... любимым цветам. Рассказывают, что именно благодаря стараниям Ивана Васильевича Обреимова на территории УФТИ был заложен уникальный сад-парк. По воспоминаниям уфтинцев, существенно помог в озеленении института Петр Леонидович Капица, который присылал из далекой Англии семена диковинных растений.

А на склоне лет Иван Васильевич подготовил к печати, но не успел, к сожалению, опубликовать рукопись книги «Растения с красивыми и

<sup>7</sup> Несмеянов Александр Николаевич (1899—1980) — химик-органик, академик (1943), президент АН СССР (1951—1961), директор Института элементоорганических соединений АН СССР (с 1954 г.), дважды Герой Социалистического Труда (1969, 1979), лауреат Государственной премии СССР (1943) и Ленинской премии (1966).

интересными плодами», которая состояла из 124 машинописных страниц и 8 акварельных рисунков, выполненных им самим.

Но самое главное, как отмечают его современники, он всю свою жизнь был отзывчивым и исключительно порядочным человеком. И эти черты характера у него были не показные, а от души.

К тому же в нем не было и тени высокомерия. Особенно наглядно эта черта проявлялась в отношении к научным результатам своих учеников и коллег. Так, например, он никогда не соглашался на соавторство, если не был непосредственным участником данного исследования (но принимал выражение признательности в конце научной статьи «за руководство» или «за ценные советы»).

В 1974 г. к 80-летию Ивана Васильевича Обреимова харьковчане подготовили не только торжественное заседание объединенного ученого совета тех украинских институтов, у истоков которых стоял УФТИ, но и... праздничный концерт в Доме ученых, где в честь юбиляра звучали его любимые классические произведения.

Иван Васильевич был настолько растроган радушием харьковчан, что, вернувшись в Москву, незамедлительно написал академику Б.Г. Лазареву: «Это было чудесно, не припомню, чтобы у кого-либо из академиков юбилей был таким замечательным праздником» [6, с. 296]. К тому же не без гордости подчеркнул: «Дорогой Борис Георгиевич, посылаю вам копию адреса, который я получил от Президиума АН СССР. Как видите, в нем написано, что из Харькова кое-что вышло. Посылаю Вам, так как это документ...» [6, с. 296].

Прошли годы...

И в канун 120-й годовщины со дня рождения Ивана Васильевича Обреимова также стоит процитировать этот по-человечески теплый

и весьма информативный приветственный адрес, за подписями президента АН СССР академика М.В. Келдыша и вице-президента АН СССР академика Ю.А. Овчинникова:

*Глубокоуважаемый Иван Васильевич!*

*Президиум Академии наук СССР сердечно поздравляет Вас с восьмидесятилетием со дня рождения.*

*Шестьдесят лет своей жизни Вы посвятили науке, которой отдаете всю свою энергию, знания, ум и сердце.*

*Ваш личный жизненный путь тесно связан со становлением физики в нашей стране. Ученик Д.С. Рождественского, один из первых сотрудников Государственного оптического института, Вы очень много сделали для развития отечественной оптотехники. Соратник А.Ф. Иоффе, Вы положили начало изучению электронных состояний в молекулярных кристаллах.*

*Вы являетесь основателем и первым руководителем Харьковского физико-технического института, ставшего одним из международных центров физических исследований... [6, с. 296].*

### **Вместо послесловия... и не только**

Жизнь, эту лучшую из книг,  
Мы невнимательно читаем,  
А если что в ней подмечаем,  
То забываем в тот же миг.

Автор неизвестен

*Статья написана по материалам диссертации на соискание научной степени доктора исторических наук. Автор выражает признательность своему научному куратору академику НАН Украины Виктору Григорьевичу Барьяхтару и Клавдии Семеновне Барьяхтар за искреннюю доброжелательность и многолетнюю поддержку.*



СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Научно-организационная деятельность академика А.Ф. Иоффе. Сборник документов. — Л.: Наука, 1980.
2. Воспоминания об А.Ф. Иоффе. — Л.: Наука, 1973.
3. *Лейтунский А.И.* Избранные труды. Воспоминания. — К.: Наук. думка, 1990.
4. *Обреимов И.В.* Развитие естествознания за пятьдесят лет. Доклад первого директора Харьковского физико-технического института Академии наук УССР на торжественном заседании Ученого совета, посвященном 40-летию создания института. — Харьков: ротاپринт ФТИ АН УССР, 1977. *Обреїмов І.В.* Історія природничо-наукової думки за півстоліття // Вісн. АН УРСР. — 1971. — № 10.
5. *Шубников Л.В.* Избранные труды. Воспоминания. — К.: Наук. думка, 1990.
6. *Лазарев Б.Г.* Несколько слов об Иване Васильевиче Обреимове // Физика низких температур. — 1994. — № 3.
7. Физики о себе. — Л.: Наука, 1990.
8. *Обреимов И.В.* Избранные труды: Молекулярная физика. Оптические методы. — М.: Наука, 1997.
9. *Рубинин П.Е.* П.Л. Капица и Харьков: Хроника в письмах и документах // Физика низких температур. — 1994. — Т. 20, № 7.
10. Академик АН УССР Кирилл Дмитриевич Синельников. К 100-летию со дня рождения. Воспоминания близких и соратников. — Харьков: ННЦ «ХФТИ», 2001.